

Юлия Фирсанова



РЫЖЕЕ БРАТСТВО. ТОЧНОЕ ПОПАДАНИЕ
РЫЖЕЕ БРАТСТВО. ВОЗВРАЩЕНИЕ



Цикл «Божий промысел по контракту»

БОЖИЙ ПРОМЫСЕЛ ПО КОНТРАКТУ
ЧАС «Д»



Юлия Фирсанова



рыжее братство.
Точное попадание

Роман

Москва, 2011
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ф62

Художник
В. Федоров

Фирсанова Ю. А.
Ф62 Рыжее братство. Точное попадание: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011. — 379 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-0894-8

Типичная ситуация в попаданской жизни. Выдернули девушку с родной кухни, бросили на какой-то полянке в чужом мире и смылись по делам. Крутись, Ксюша, как хочешь, приспосабливайся, заводи друзей: сильф, вор, палач, опальный поэт... Кандидаты один другого обаятельнее! Но то друзья, враги же и сами найдутся, особенно если ты любопытна, словно кошка, и тебе больше всех надо, почти как Бэтмену.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-0894-8

© Фирсанова Ю. А., 2011
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011

ГЛАВА 1

Точное попадание

— Это она? — В бесплотном и каком-то бесполом, не мужском и не женском голосе явственно слышалось натуральное сомнение покупателя, пришедшего на базар в надежде найти по дешевке чистопородного щенка.

— Ага. Единственная, больше в мирах нашего Уровня не осталось, всех извели, да и размножаются они плохо... — прозвучал ответ с явным призывом в голосе обиды из-за отсутствия радости по столь уникальному поводу, как явление самой натуральной «её». — Ты просил, вот я и нашел.

— Урбанизированный мир. — Сомнение, неуверенность и неприязнь прозвучали четче. — Если забирать, это же нарушение Закона постоянства пребывания.

— Закон, он для живых создан, а у нас все равно другого выхода нет, — наставительно заметил второй голос с интонациями завязатого сутяжника и прибавил почти иронично: — Не в Совет же тебе запрос посылать: «Никого нет, пришлите ради Творца!»

— Нельзя, осудят, а если и дадут, то лет через пятьсот, а то и больше. Их же и на других Уровнях дефицит, а нам ждать долго нельзя... — снова послышался скорбный вздох. — Ну, что ж, раз эта единственная... — очередной вздох побил все рекорды по содержанию массы сожаления на отдельный звук. — Придется ее...

Когда в голове или где-то вне ее ни с того ни с сего раздалась таинственные голоса, я (ручаюсь!) не спала, не читала и ничего тяжелого на черепушку не роняла. Мало ли что в пограничных для психики состояниях пригрезиться может! Напротив, деятельность моя носила вполне рациональный ха-

раक्टर. Судите сами: девушка, уже одетая для гражданского выхода в свет, торопливо шинковала редиску на салат, стремясь только к одной вполне практичной цели — как можно быстрее изрезать овощную фигию и бежать с подружкой в кино на очередной крутой фильм с Милой Йовович. (Этой рыжей теткой с хрипло-пропитым голосом записной алкоголички и такой физической формой, о которой мне и не мечталось, я искренне восхищалась толикой белой зависти.) Словом, галлюцинациям и фантазиям в данный момент моей жизни было не место, однако они явились, не спросив официального разрешения.

Я машинально продолжала строгать редис и слушала идиотский диалог, при этом почему-то была совершенно уверена, что обсуждают мою персону. Как раз тогда, когда маленькое терпение лопнуло и я собралась вмешаться, дабы послать спорщиков подальше (если галлюцинация моя личная, значит, я ее и прекратить могу!) — начало твориться нечто несусветное. Тело обволокло приятное тепло, потом я ощутила покалывание в конечностях, и мир покачнулся.

— А ведь ничего крепче чая с утра не пила, — успела промелькнуть обидная мысль.

— Не бойся, служительница, твой час пробил! — «подбодрил» незримый собеседник номер один с некоторой долей сомнения в голосе.

Почуввав, что творится что-то неладное, я еще успела одной рукой подхватить со стула сумку и куртку. Вовремя! Мир исчез в каком-то не то мареве, не то и вовсе небытии.

— Совет ждет только вас! — набатом прозвучал в голове суровый голос, явно подразумевающий куда более невежливое: «Где шляетесь, негодники!»

— Мы уже идем, — послышался поспешный ответ созданий, скрывающих за показной бодрой готовностью какую-то провинность. Я почувствовала себя игрушкой, которую ребенок прячет в укромном уголке, чтобы предьявить строгой воспитательнице совершенно пустые ладошки.

— Мы тебя скоро заберем, служительница, подожди пока здесь, — торопливо пробормотала пара голосов, и я оказалась выкинута на солнечную полянку в кругу деревьев.

Мягкая посадка на куртку состоялась аккуратно посреди поляны, а сверху по попе чувствительно поддала сумка, сча-

стье, что не упала на ножик, который продолжала цепко сжимать рука. Я машинально сунула в рот редиску и, с аппетитом хрупя, огляделась по сторонам. Трава — зеленая. Цветы — кажется, незабудки, да еще какие-то желтые, как звать, не знаю, но у нас на даче такие встречала и даже выпалывала. Зато кусты и деревья... Блин, ботанику в институте как сдала, так и позабыть успела, но вроде бы половины из этих растений не видела ни в жизни, ни по телику — в передачах об экзотических странах.

Так куда меня зашвырнули эти психи и, главное, зачем? Идиотизм! Впрочем, пока — забавный идиотизм! Вряд ли кино окажется интереснее — почти миролюбиво рассудила я и спрятала нож в сумку. Вынуть всегда успею, но пока ведь никто не нападает, все тихо и благолепно, как в раю, даже птички, примолкшие было по поводу моего «визита», снова расщебетались, кузнечики стрекочут как заведенные, шмели жужжат. Красота, курортная зона! Вдохнув полной грудью свежий, полный ароматов трав, цветов, леса и спелой малины воздух, я улыбнулась. Ну странно все происшедшее, так и что с того? В истерике биться? Так ведь странно — не значит плохо или страшно. Если у меня неожиданные глюки от пестицидной редиски — надо расслабиться и получать удовольствие, а если меня и в самом деле в какие-то теплые края перебросили, тем паче здорово!

Я ведь давно мечтала о жарком лете, солнце и зелени. Начало весны только манит обещанием тепла, но настоящего зноя еще ждать и ждать, а тут — все прелести жизни в один момент, словно по заказу. Как там проклинают на загадочном Востоке? «Жить тебе в эпоху перемен!» А еще есть другое недоброе напутствие: «Пусть твои желания осуществляются». Так вот, пока ничего плохого в «сбыче мечт» я разглядеть не могла, может, потом проникнусь и соглашусь с мудрыми узкоглазыми гуру, а пока как же здорово! Ждать здесь, в мирном разнотравье, куда лучше, чем, к примеру, на Северном полюсе, у кратера вулкана или барахтаясь в океанской бездне.

Вот только интересно, за мной вернуться, как обещали, или эти ненормальные вообще позабудут, если не обо мне, так о том, куда меня кинули. Вдруг у них внимание рассеянное, как у белок, или еще чего из области психиатрии? Нет,

заботу о себе посторонним людям доверять нельзя... Кроме того, есть мысль, что беседовали со мной вообще не люди, а... а кто? А хрен его знает. Ну и ладно! Пока неважно! Пожалуй, надо провести проверку местности. Нет ли тут еще и речки с песчаным пляжем? С прошлого лета не плавала... Размышляя, я машинально отдирала кору с выбранного в траве сухого длинного сучка. Приняв решение, не задумываясь поднялась на ноги и зашвырнула палку в ближайшие кусты, кажется, это был благоуханный малинник.

— О-уо, — явно прозвенел вопль боли, только уж больно тоненький, даже для ребенка.

Я вздрогнула и нахально скомандовала, пытаюсь сразу показать, кто в доме хозяин:

— А ну вылезай, шпион!

— Сию секунду, прекрасная магева, только не кидайся больше! — На полянку влетело, явно заваливаясь на один бок, удивительное создание размером с мою ладонь. Смесь человечка с мотыльком, крылышки радужные и легкие, сам тонкий, изящный.

«Вот так фигня! Одно ясно, у нас в парках такие не водятся, — отстраненно подумала я, созерцая местного представителя отряда чешуекрылых. — Ты, Ксюха, влипла куда-то по-настоящему!»

Наблюдатель закрыл ладошкой правую сторону лица, на которой наливался и распухал прямо на глазах сочный сияк.

— Ох, бедолага, это я, что ль, тебя так приложила?

— Прекрасная магева необычайно проворна, — пожаловался мотылек.

— Холодненького чего приложить, компресс сделать, — посоветовала, шаря в карманах в поисках платка. — Тут ручей какой-нибудь имеется, чтобы тряпочку смочить и компресс сделать?

— Есть, — всхлипнуло создание. — Там, налево, с пригорка только спуститься.

— Показывай, — скомандовала, подставив мотыльку раскрытую ладонь. Тот недоверчиво зыркнул зелеными кошачьими глазищами, но все-таки уселся, легким касанием щеко-ча кожу, такой теплый и волшебно-живой.

Мне стало стыдно за свой случайный меткий удар. Про-

дравшись через кусты, спустилась к полноводному ручью, смочила платок, поднесла его на ладони к сидящему пареньку и велела:

— Прикладывай к ушибу мокрую ткань, может, и синяка не останется, мы вовремя спохватились.

Постанывая, мотылек послушно следовал моему совету, прижимал к лицу то одну сторону мокрого платка, то другую, а я разглядывала его, и мысли скакали, как белки по деревьям. Ручаюсь, этот мир — не мой, то есть не мой родной. На Земле такие создания точно не водятся. А значит, все еще более увлекательно, чем представлялось вначале! Пожалуй, той от замороженной парочке, которая меня утянула из дома, при встрече следует сказать спасибо... Кстати, о курортных перспективах подумаем потом, сейчас важно другое: если тут такие мотыльки летают, может, и магия имеется. А если она имеется, значит, я могла бы проверить, как тут действуют руны, которые я столь прилежно и тщательно изучала на Земле на протяжении нескольких лет. (Насколько прилежно, насколько при своей беспечности и легкомыслии я вообще была способна что-то делать.) На фига козе баян? Да из чистого интереса к жалким остаткам волшебства, уцелевшим в мире. Вот, например, смогла бы я исцелить это создание, как пробовала врачевать в своем мире синяки (кстати, иногда получалось неплохо!). Сразу вспомнила йод, ватную палочку и старательно выписываемые коричневые рунные знаки... Да, если в этого худосочного мотыля палочкой потыкать... Так и вообще до смерти забить можно... А вот если попробовать представить нужную комбинацию мысленно? ...Как там полагается: УРУС — жизненная сила, ЙЕР — сила земли, СОУЛУ — энергия солнца. Комплекс для врачевания недугов... Знаки запылали у меня перед глазами: *урус* красным, *йер* — зеленым и коричневым, как спелая пшеница, а *соулу* — ослепительным золотом. Триаду знаков я аккуратно совместила с раздутой мордочкой моего больного, в очередной раз склонившего голову на прохладную сторону влажного платка. Тот вздрогнул, вздохнул облегченно и недоверчиво: его лицо стремительно приобрело прежние формы.

— О, прекрасная магева, твое колдовство действует! Никогда бы не подумал, что «компресс» — такое сильное заклятие!

— Я тоже, — хмыкнула я, выжимая платок над текущей водой, в которой рябило мое отражение — симпатичная девчонка с рыжими волосами, россыпью веснушек на вздернутом носу и ореховыми, а если правильно подсветить, то почти зелеными глазами. Вот в этом ручье мои радужки так и во все изумрудами сверкали, хороший ручей, зеркало бы такое. — Ну раз ты полностью здоров, — мотылек довольно закивал, расплываясь в улыбке, — давай познакомимся, а заодно объяснишь, зачем за мной шпионил.

— Я лакомился восхитительной лесной малиной у самого края поляны, на солнце она особенно вкусна, солнечным светом напитана, — объяснил порхающий человечек, — а тут вы, о прекрасная магева.

— Как ты меня называешь? Что еще за магева? — переспросила я, усаживаясь на бережку ручейка на большой камень под размер афедрона (это в Греции, мне один шибко умный парень рассказывал, так зад называли). Задумчиво глянула на платок, а не подсушить ли его магией, в конце концов, *кано* — руна огня, известна, или не рисковать, чтобы не спалить весь лес? — все-таки решила эксперимент отложить.

— Вы дама, владеющая колдовской силой, женщина-маг, стало быть, магева, — как что-то само собой разумеющееся сообщил малец, пожимая плечиками так задорно, точно цыганочку с выходом собрался танцевать.

— Ясно, — уразумела я.

— А посему я предпочел для начала скрыться, вы же обнаружили меня и покарали за догляд. Приношу свои извинения. — Мотылек отвесил церемонный поклон.

— Замяли, любопытство не порок, — спрятав отжатый платок в карман, отмахнулась я свободной рукой, на второй, как на диване, все еще возился мотылек. — Меня зовут Оксана Рой.

— Высокая честь, ты представилась первой. — На подвижной мордочке, несмотря на ее размер, можно было разглядеть все движения души, сейчас на ней было написано почти шоковое удивление. — Но истинное имя магевы не для простых разговоров...

— Друзья-приятели Осой называют, поскольку на язык я

острая, — подумав, ответила ему. — Можешь и ты звать, коль в здешних краях магам псевдонимы положены.

Похоже, малютку это предложение вполне устроило. Он кивнул и в свою очередь заявил:

— Меня, о магева, именуют Селвин йе Индоль ка Фалькоран...

Еще с минуту новый знакомый продолжал перечисление каких-то зубодробительных имен, так что я, парадоксально быстро запоминая самые заковыристые названия, безнадежно запуталась. Закончив, мотылек вновь изобразил придворный поклон, ну точь-в-точь герой-любовник из какого-нибудь исторического фильма.

— Очень приятно, — пробормотала я и попросила: — А покороче тебя как-нибудь можно называть, дружок?

— Фаль, о прекрасная магева, — урезал марш малыш.

— Слушай, а кто ты есть по... — мозг быстро перебрал параметры: национальность, раса, народ, вид... — из какого народа?

— Дух воздуха, сильф, — с немалым удивлением пояснил собеседник. — Ты разве не знаешь, Оса? — Почему-то знакомец, именуя меня, сделал ударение на первый слог, но я не стала поправлять, может, так на местный лад лучше звучит.

— Там, откуда я родом, такие, как ты, не водятся, хотя ходят про вас разные сказки, но в моих краях подобных существ именуют эльфами.

— Этими верзилами, — пренебрежительно зафыркал Фаль и расхохотался, повалившись на спину и задрывав ногами, крылышки забились так, что, бойся я щекотки, непременно сбросила бы его в ручей.

— С этим тоже пока ясно, — кивнула я и снова задумалась о перспективах.

Итак, если это мир магический и, судя по всему, не особенно развитый, воздух уж больно свеж и чист, какие из моих умений здесь пригодятся, чтобы выжить? Из единоборств знаю только сто первый прием — изматывание противника бегом, да и то надолго меня не хватит, никакой полезной технической информации в памяти не храню, химию и иные науки всегда недолюбливала, так что на дивиденды от изобретений нос можно не раскатывать. Сказок, по-здешнему, наверное, легенд, знаю много, но что от этого толку, если пока

под местный колорит их подогнать не могу? Никакими навыками следопытов-разведчиков не обладаю. Вон в ручье столько рыбы, так хвостами и бьет, зараза, но сначала попробуй поймай. А потом не сырьем же ее лопать без соли или рунной *кано* огонь разжигать? Да, в целом плюс пока один — руны работают, а значит, как-нибудь выкручусь.

— Ну ладно, Фаль, — резюмировала, прихватив шмотки, и, поднявшись на ноги, предложила. — Давай, что ли, к малине вернемся.

За совместной трапезой можно многое выудить из болтливой мотыльки (как-то язык не поворачивался называть его духом, созданием бесплотным и возвышенным). Такой подход к делу сильфу пришелся по вкусу. Мы вернулись к краю полянки и принялись с энтузиазмом обдирать россыпь спелых ягод с кустов. Когда еще поесть доведется — неизвестно, так что перекусить не вредно будет.

— А с какой целью, магева Оса, — спросил порхающий приятель, — прибыли в Лиомастрию?

— Понятия не имею, меня тут оставили, а почему и зачем, никто не объяснил, — пожалала я плечами, сунув в рот горсть малины. — Так что можно сказать, я в свободном полете.

— А... — Мотылек слопал еще пяток ягод (как только они в него влезли?), робко перепорхнул ближе к моему уху и, набрав в грудь воздуха, выпалил: — Могу ли я путешествовать с тобой, о, Оса?

Масштабы любопытства моего нового приятеля, как и его непомерный аппетит, явно не соответствовали размерам тщедушного тела. Впрочем, тело, хоть и маленькое, было вполне справным и милым, личико очень симпатичным: золотисто-рыжие, очень яркие выющиеся волосы, веснушки, сияющие зеленые глазички вполлица, а уж от переливающихся на солнце крыльев и вовсе глаз было не оторвать.

— Пойдем, — беспечно пожалала плечами. Местный, хоть и мелкий, все лучше, чем ничего.

Накушавшись, закинула на плечо куртку и сумку, Фаль устроился на свободном плече и стал облизывать красную от ягод физиономию и ладонки. Язычок мелькал быстро, как у кошки, да и глаза поблескивали точно так же, лениво-настороженно.

— На дорогу в какую сторону? — уточнила я.

— Налево. — Сильф махнул рукой в нужном направлении.

Через семь минут, следуя указке проводника, выбралась на самую обычную деревенскую дорогу, только что в колеях не было отпечатков шин. Поле колыхалось начинавшими поспевать зерновыми, рожь ли, пшеница, не знаю, не сельская девочка, а ботанику, как уже упоминала, забыла. Было довольно жарко, навскидку — градусов двадцать пять. Черная куртка на плече моментально раскалилась. Да, легкий ветерок не помешал бы, однако вызывать его пока погодим, вдруг бурю наколдную? Так меня же эти сеятели из-под земли достанут, чтоб «спасибо» сказать. Я бы на их месте точно достала, такое поле засеять, и чтоб потом все труды прахом пошли из-за какой-то экспериментаторши недоученной? Магева там я или не магева, а пока телепортироваться не умею и бегаю плохо, лучше ничего не творить. Кроме того, ошпаренных меньше, чем обмороженных, и кто-то совсем недавно мечтал о тепле. Получила, вот и наслаждайся, не сетуй!

— Жарко, — вздохнула я и, поглядев на пыльную обочину, в очередной раз мысленно порадовалась, что тапки на мне оказались не совсем чтобы домашние, а так, что-то вроде теннисок из плотного текстиля. Во всяком случае, по сухой дороге идти можно. Но в дождь было бы хреново. — Надо какую-то обувь поудобнее раздобыть на случай ненастья.

— Большое село недалеко, там несколько лавок есть, — снова дал своевременную справку Фаль.

— Неужто за покупками летал? — удивилась я непроизвольно.

— Нет, — нимало не смутился дух, — в одной лавке сладостями торгуют, вкусны-ы-е... но обувь людскую тоже видел, в соседней.

— Ясно, — ухмыльнулась я понятиливо. Маленький любопытный воришка нравился мне все больше и больше, бывает же так, что к кому-то чувствуешь симпатию против воли, а не за то, что благородный, добрый и так далее. Рядом с благородными и самой как-то не всегда удобно бывает, сравниваешь, и чувство неполноценности возникает. — Денег у меня местных, правда, нет, но поглядим, может, удастся заработать.

Скрип приближающейся телеги отвлек от беседы.

— Не подвезти ли тебя, магева? — прогудел густым басом знатно бородатый, кряжистый возчик в нарядной светло-синей рубахе с косым воротом и серых штанах на кожаном поясе.

— Ты-то, понятно, дружок, все с ходу сечешь, но почему он меня так обозвал? — задумчиво обратилась я к духу.

— Так ты ж по дороге идешь пустой и с кем-то беседуешь, да и одежда на тебе странная, все маги, да и магевы, так одежду выбрать стараются, чтоб ни на кого похоже не было, — пожал плечами Фаль. — Вот и чувят вас люди.

— Это что выходит, тебя они не видят? — осенило меня.

— Ну да, Оса, — согласился мотылек. — Для тонкого мира глаз особый нужен.

— Подвези, — обернулась я к придерживающему смирную лошадку широкоплечему вознице, который дождался конца нашего диалога, и забралась на телегу. Все тапки целее будут, да и по дороге такой лучше ехать, чем идти, не авто на бензине, не укачает.

— Я Оса, — представилась опять первой, воспользовавшись новым псевдонимом.

— Торин, почтенная магева, — отозвался мужик, покосившись на меня из-под кустистых бровей.

— Из гномов, что ли? — почему-то первым делом вырвался у меня вопрос.

— Да, были в роду, — гордо согласился мужчина, приосанившись. — Надолго в наши края?

— Еще не знаю, — пожал плечами, — как карта ляжет. А что, так любопытствуешь или интерес есть?

— Давно не забредали, а в магах всегда нужда сыщется, — подтвердил возчик, — если б подмогла чуток, мы б по совести отблагодарили, как заведено!

— Договоримся, — думая о сапогах или каких-нибудь ботинках, охотно согласилась я.

Как раз в тот момент телега подпрыгнула и ударилась колесом о массивный камень, раздался какой-то нехороший треск, и, соскочив с оси, колесо во всю прыть устремилось в ближайшие сочные заросли. Что-то чавкнуло. Лошадь повернула голову, покосилась на сломанную телегу и совершенно по-человечески вздохнула.

— Н-да, запаски, как я понимаю, у тебя нет, — констати-

ровала, соскакивая с заваливающегося на бок средства передвижения.

— А ведь проверял, как от шурина ехать, — охнул мужик, дернув себя за бороду, — что ж теперь делать?

— Доставать! — пожалала я плечами.

— Так болото же, — жалобно протянул потомок гномов и с надеждой уставился на меня, — а может, ты, того, поволшебствуешь малость, я в долгу не останусь!

Где-то читала, что плотность тела у гномов куда выше человеческой, потому и жрут они больше и плавают, как топор, в смысле, бултых — и на дне. Читала, конечно, в сказках, но рациональное зерно в рассуждениях авторов, никогда не видевших гномов воочию, похоже, было. Во всяком случае, мой осмотрительный возница был готов тащить на себе телегу и лошадь, только бы не соваться в болото. Я же, хоть и умела неплохо плавать, заниматься этим в болоте никогда не пробовала и пробовать не собиралась (впечатлительной девушке запали в душу мещерские рассказы). Словом, тонуть в болоте во цвете лет никакого резона не было, а вот если... Что ж, назвалась магевой, давай, волшебствуй!

— У тебя веревка прочная есть? — спросила я.

— Вот. — Изрядный моток весьма добротной на вид бечевы, извлеченный из каких-то мешочков, был тут же с готовностью предъявлен мне.

— Отлично! — обрадовалась находке. — Фаль, дружок, поможешь?

— Чем? Я колеса не уволоку! — заканючил дух.

— Да и не надо, веревку к нему привяжи, только попрочнее, а мы уж вытянем!

— Так можно! Узлы люблю вязать! — оживился, почуяв забаву, малютка.

Конец веревки я торжественно вручила сильфу и начала аккуратно разматывать моток. Фаль опоясался бечевой и исчез в осоках и тростниках. Кажется, тут и впрямь знатное болото. Торин с благоговением наблюдал за нашими манипуляциями, шепча в бороду:

— Эвон как! Надо ж...

— Готово! — Дух быстро вернулся и завис перед моим лицом, рапортуя так гордо, что только руку к голове оставалось приставить, отдавая честь.

— Спасибо, дружок, — поблагодарила я и велела, всучив конец бечевы в опасливо протянутые руки крестьянина: — Тяни! Вызволяй свое колесо!

Торин крикнул и дернул что было сил. Что-то звучно чавкнуло, и колесо выпрыгнуло из осоки, разбрызгивая воду (ладно хоть не грязь!). Возчик осмотрел возвращенное имущество и за несколько минут, пока мы с Фалем изучали окрестности болота, сумел присобачить его назад, закрепив каким-то макарон, чтоб до деревни додюжило.

Мы снова заняли свои места и минут за пятнадцать, под речь Торуна, ровно гудящего хвалу моим выдающимся способностям, добрались до села. Ничего, ладные домишки, бревенчатые. Фундаменты даже кое-где каменные, кровля глиняная — черепица, встречаются бревенчатые скаты; живность сытая, довольная, куры носятся, гуси гогочут, козы блеют. Да и народец, что глазами телегу провожает, отнюдь не худой. Может, и правда сапоги здесь купить удастся.

— Как село-то зовется? — поинтересовалась я лениво.

— Большие Кочки, — отозвался Торин.

— За что ж его так? — удивилась я. — Вроде местность не болотистая?

— Да камни стояли крупные, только в стороне, где теперь Малые Кочки, их груды поменьше были, вот и... — Потомок гномов пожал плечами.

— Понятно, — успела я кивнуть до того, как дикий визг прервал наши этимологические изыскания.

Визжали трое: две толстые бабы и одна свинья. Деревенский народ, слышав вопли, начал подтягиваться на бесплатное представление. Торин притормозил.

— Что за шум, а драки нету? — довольно громко поинтересовалась я.

Визг и вопли готовых выдрать друг у друга волосы баб ментально стихли, головы повернулись ко мне.

— Магева, магева, магева... — прошелестело по толпе.

Сдобные деревенские бабенки, по сравнению с которыми я ощутила себя недокормленным дистрофиком, приблизились к плетню, отделявшему огород от улицы, и неловко поклонились. Свинья, ясное дело, кланяться не стала.

— Говори, — кивком головы я указала на ту, что справа.

— Свинья ее проклятая через забор подрывается и все ко

мне норовит забраться, всю капусту попортила, — отчиталась бабенка, красная от досады и праведного гнева.

Н-да, кажется, я тут нежданно-негаданно оказалась авторитетом и судией. Вот так влипла, и чего делать? Я ж не Соломон, да и рубить бедную свинку напополам чего-то совершенно не хочется.

— Ты? — Я указала на обвиняемую.

— Та что ж я, виновна, коль Марынька такая шустрая, уж и запираю ее, а она все подроеется, и прысь к Феоклине, — протянула баба.

— У тебя что, капуста, что ль, вкуснее? — хмыкнула я.

— Да не, — заулыбалась Феоклина, словно ей сказали какой-то несусветный комплимент. — Свинки у меня в загончике рядом, из помета одного с Марынькой, вот она «на хрюк» и роет, другие-то от Катарини ко мне не лезут. Только эта шкода...

Обвиняемая Марынька согласно подвизгнула, дернула хвостиком, лихо закрученным в кольцо.

— И часто залезает?

— А почитай каждый день, — безнадежно вздохнула Катарина, махнув рукой.

Народ, уже давно, видать, следивший за свиной историей и превративший ее в бесконечный анекдот, блуждающий по селу, захихикал.

— Стало быть, из-за одной свиньи, прорывающейся к родне, вы, две подруги, вконец рассориться собрались? — Я покачала головой. — Или решили, коль свинья так по-человечески себя ведет, сами по-свински поступать будете? — добавила задумчиво.

Бабы покраснели, виновато посмотрели друг на друга, а потом и на свинью раздора. Упрямая свинка вздернула к небу пяточок.

— Да разберитесь вы с ней, бабоньки, — попросила я, — ну хоть кормите ее сообща, патриотку, или вовсе к родне переселите, потом мясо поровну поделите, а если на опорос оставили, так свинок. Неужто договориться не сможете?

— Хорошо, магева, сможем, спасибо, — поклонились мне спорщицы, расплываясь в довольных улыбках, словно я им открыла великую истину, и, обнявшись, неожиданно заревели друг у друга на плече, подвывая: «Феоклина, прости меня,

дуру! Нет, Катарина, это ты прости!!!» Свинка поглядела на своих хозяек и бочком-бочком попятилась в сторону плетня, разделявшего участки подруг, а потом нырнула в дыру.

— Первый раз такое вижу, наших баб с двух слов унять, — изумленно протянул Торин, дернул себя за бороду и машинально тронул вожжи.

Телега погромыхала по центральной деревенской улице. Собравшийся народ медленно двинулся следом, делая вид, что просто так прогуливается или вообще шествует по своим делам, заодно обмениваясь мнением о приезжей магева.

Честно говоря, только после слов Торина я начала удивляться. С того самого момента когда скомандовала: «Говори», — все происходящее казалось мне самым правильным. Будто я поступала именно так, как должна была поступить, поэтому и все другие тоже поступали правильно и никаких сомнений в моих способностях и праве на суд не выказывали. Такое странное чувство. Никогда раньше у меня такого не было... Я — и вдруг арбитр в деревенской склоке. Ох, ну и чудеса! Пожалуй, даже чудесней этого сильфа, который мне все плечо оттоптал, извертевшись от любопытства, маленький, а такой тяжелый, на диету его посадить, что ли?

— Почтенная магева, — неуверенно откашлялся потомок горных гномов, бросив на меня из-за плеча какой-то просительный взгляд. Никак сейчас кланчить будет. Интересно, что ему надо? Уж больно стесняется, бородавки, что ль, на заднице вывести некому или другая болячка стыдная одолела?

Сгорая от любопытства не меньше своего сильфа, я вежливо кивнула, изъявляя готовность выслушать любое обращение.

— Вы остановиться у нас в Кочках где думаете?.. Э-э, я вот тут прикинул, может, сообразовите моему дому честь оказать?.. — Торин смешался и замолчал, так настойчиво теребя в широких ладонях вожжи, словно задумал чего из них спрясть.

— А не стесню вас? — уточнила я, пытаюсь скрыть радость.

Соваться на местный постоялый двор без единой монетки в кармане совсем не хотелось, а использовать сильфа в каче-

стве карманного вора пока не позволяло заваливавшееся где-то на дне души чувство порядочности.

— Места у нас много, старшую дочь, Вилану, только замуж отдал, горенку, что она с Полункой делила, освободим, младшая и с матерью поспит. Жена моя, Дорина, готовит знатно, не хуже, чем бабы у Фоклина, трактирщика нашего. Да это ж какой почет — магева в доме... — Торин снова взглянул на меня с жалобной мольбой.

Мужик очень хотел, чтобы я отправилась с ним, и не только по доброте душевной, о статусе бородач думал и о том, что, не сумей он доставить волшебницу к себе домой, его дорогая половина будет не слишком довольна. Когда Торин помянул жену, стало ясно, гордится он ею, любит и побаивается. Это гном-то поперек себя шире. «Ну да, мы, женщины, народ такой, не только обворожить, но и застрашать любого сумеем!» — самодовольно подумала я и согласилась погостить у Торина.

Обрадованный возница погнал телегу вперед с такой скоростью, будто желал выставить ее на «Формулу-1», сильф, беспечно болтающий ногами у меня на плече, едва не упал. Фаль машинально схватился за прядь моих волос цепкой ручонкой, и я зашипела от боли.

— А магева с фималом и вовсе для жилья благословение, — довольно прибавил повеселевший мужик и принялся разливать соловьем на тему того, какие уют и комфорт меня поджидают.

— Это как он меня, вольного сильфа, обозвал! — подпрыгивая на плече, завопил мне на ухо Фаль — так, что на пару секунд я вообще оглохла на одно ухо, зато продолжала слышать его негодующий вопль другим. — Меня — и слугой? Я... я ничем не связан, в любой момент могу тебя покинуть!

— Можешь прямо сейчас, — прошептала я, шелчком скинув разбушевавшегося мотылька на телегу. — Половину волос с головы выдрал и оглушил начисто!

Мигом придя в себя, шкодник заткнулся и, трепеща удивительной красоты крылышками, завис перед моим лицом, виновато взмахивая длиннющими ресницами. Интересно, Фаль среди сильфов один такой плейбой на сотню или они все красивые? А может, все дело в том, что мотылек так мал,

что я не вижу на его лице никаких дефектов? Да нет, таких сияющих глаз у людей все равно не бывает.

— Прости, о, прекрасная магева Оса! Я не желал оскорбить тебя, — зашебетал негодник, переходя на возвышенный стиль. — Вельми возмутил меня сей неуч, спутавший сильфа с подневольным служителем, повязанным заклятием.

Зеленые, чуть раскосые глаза стали еще более широкими и такими проникновенно-печальными, что я почти расчувствовалась. Ну точь-в-точь «умирающий с голоду котенок», выпрашивающий у черствого человека кус дорожкой ветчины сразу после того, как смолотил миску вареной курятины. Фыркнув, я протянула Фалю раскрытую ладонь, и он, хитрюга, тут же, разувьбавшись до ушей, уселся на ней.

Пока мы тихо препирались с сильфом, выясняя вопросы главенства в нашем маленьком прайде, счастливый Торин подогнал телегу к широко раскрытым воротам, украшенным нехитрой, сделанной с душой и любовью резьбой.

ГЛАВА 2

Деревенские истории, или «Скорая рунная помощь»

По чисто выметенному двору от большого бревенчатого дома шла высокая, на полторы головы выше гнома, русоволосая статная женщина из тех, при одном взгляде на которых вспоминаются некрасовские строки про коней и горящие избы. Серое платье с квадратным, весьма скромным вырезом на груди, прикрытым белой рубашкой, обрисовывало впечатляющую фигуру.

Лохматущий черно-серый пятнистый пес габаритами с хорошего теленка первым учуял и приветствовал хозяина заливистым басовитым лаем. Да уж, при таком страже и ворота можно хоть на всю ночь открытыми оставлять, тогда зверушку кормить не надо будет, во всяком случае, первое время, пока воры не поумнеют, а потом уже по ночам с цепи на поиски харчей спускать.

— Дорина, солнышко, вот я и дома, — бодро протрубил Торин, направляя повозку в раскрытые ворота. — Гостинцев от шурина привез! И... — Гном повернул голову в мою сторону, только договорить не успел.

Дверь дома шарахнула с такой силой, что пес поперхнулся очередным «гав», а Фаль икнул и едва не сверзился с любимого насеста — моего плеча. На двор, радостно вереща и эгейкая, вылетела парочка — девчонка и парень, застрявшие где-то посередине между возрастными градациями «подросток» и «юнец». С ликующими воплями: «Папка! Батяня!» эти двое повисли на родителе как мелкие, но очень упорные охотничьи собаки на матером медведе. Можно подумать, Торин у шурина с полгода гостил, не меньше. Или просто они отца любят. Случается, такие строгие на вид, основательные мужики детей балуют почище мамки.

Дорина перебросила толстую русую косу с два моих запястья, никак не меньше, на спину и лебедью поплыла к телеге, снисходительно улыбаясь детям, мужу, лошади и окидывая меня задумчивым взглядом. Надо бы узнать, чем в здешней деревне бабы головы моют, а то мой вполне пушистый хвостик по сравнению с ее косищей выглядит как-то обтрепанно и жалко.

Крякнув, Торин высвободился из цепких рук детишек, расцеловал в обе щеки обнявшую его жену и все-таки закончил:

— Почтенную магеву Осу в дороге на счастье свое встретил! Кабы не она, до вечера в село не добрался бы. Колесо возьми и соскочи аккурат у Курячьей Завороты, да в нее и ухнуло...

На протяжении всего героического повествования супруга Дорина продолжала хранить на устах улыбку, только соболиные брови (впервые такие густые увидела, что и впрямь соболиными не грех назвать) чуть сдвинулись к переносице. Что-то мне подсказало: с Торина еще сурово спросят насчет колеса и того, в каком состоянии он управлял телегой, как запрягал и что на грудь принял, от шурина выезжая. Да, скалка или ухват в руках женщины — оружие массового поражения, я почти сочувствовала мужику, но только — почти, сама ведь девушка, так что надо проявить и женскую солидарность. Кажется, гному пришла в голову та же мысль, что и мне (насчет ухвата), но он, мечтатель, все еще надеялся задобрить жену прибывшей на постой магевой.

Мне грозная супруга Торина улыбнулась почти ласково и

вполне гостеприимно, повела рукой в сторону крыльца и промолвила:

— Милости прошу, почтенная магева, в дом! Как раз к обеду поспели, чем богаты, откушайте! Олесь окушков с утра принес знатных, рыбкой попотчuem, в сметане притомившейся, да ушицей! Дети, на стол собирайте!

Вылупившихся на настоящую магеву и уже было распахнувших рот для вопросов недорослей как ветром сдуло. Только мелькнули края сарафана, рубашки, широких штанов и две пары босых пяток да дверь шмякнулась о косяк, но уже тише. Привычный пес и ухом не повел.

— Рыба — это здорово! — расплылась я в улыбке. Воспоминания о малине уже успели выветриться из желудка, и организм настойчиво сигнализировал хозяйке о необходимости регулярного питания. И вообще, на малинной диете перебиваясь, гастрит заработать недолго!

Одной рукой Дорина разом прихватила с телеги все узелки с гостинцами, я забрала куртку, сумочку и вошла вслед за хозяйкой в дом. Торин же остался загонять «авто» в сарай и распрягать лошадь. Чистые сени, благоухающие связками подсохших травок, болтающимися у потолка (я только мяту да зверобой распознать сумела), вели в горницу. Подслеповатые окошки из толстеного стекла, судя по горделивому взгляду хозяйки, были тут последним пискom моды. Да, кажется, раньше стекол вообще не делали, тем более в деревнях: бычьими пузырями, слюдой или кварцем обходились. Мне-то куда больше жутких окошек понравились нарядно расшитые занавески да навощенное дерево лавок, стола, полка с расписной посудой у печи, пестрые плетеные половички под ногами — настоящая этника, не подделка. Вот это бы и у нас для фазенды за крутизну сошло. И вообще, до чего же здорово пахнут травками, воском, деревом! Никакой сырости, как в убогих деревенских халупах, и даже запашок навоза с заднего двора в комнаты заползть боится. Плещась у раковины, я твердо решила: если б в таком домике еще были канализация, горячая вода и электричество — навсегда согласилась бы поселиться. Расшитое по краю какими-то птицами, вроде наших гусей, полотенце легко впитало в себя влагу, не то что наша синтетика. Фаль, пока я мыла руки, тоже пару раз нырнул под струю воды, но вытира-

ться не стал, встряхнул крылышками, и брызги разлетелись во все стороны.

Дорина посадила меня на почетное место во главе стола — рядом с чугуном, благоухающим рыбным супом из настоящей рыбы, а не из консервов, какой обычно наскоро я гоношила себе, экономя время и деньги. Чада и домочадцы быстро расселись: юркнули на свои места ребятишки, чинно опустился хозяин дома, хозяйка разлила суп и тоже присела на лавку.

Глиняная тарелка, расписанная чуть кривоватыми колокольчиками по ободу, щедро наполнилась супом до краев. Прежде чем я успела вякнуть, что столько ему не съесть, он еще маленький, Фаль хищно облизнулся. Да уж, пожалуй, лучше не торопиться с выводами, при неумном аппетите сильфа хорошо если нам не придется просить добавки.

Я осторожно отправила в рот первую ложку, по этому знаку вся семья приступила к еде. Фаль слетел с моей руки и присосался к нашей тарелке, зависнув, как колибри над цветком.

«Если бы, — подумала я, следя за быстро понижающимся уровнем супа, — колибри жрали столько, сколько мой мотылек, они бы от ожирения не то что летать, ползать не смогли бы».

Тушеную в сметане рыбу и пареные овощи, чем-то похожие на репу и картошку одновременно, Фаль ел с не меньшим энтузиазмом, чем суп, впрочем, негодник все-таки оставлял мне достаточно для того, чтобы ближе к концу трапезы я чувствовала себя предельно сытой.

Олесь и Полунка так вылупились на стремительно исчезающую из моей миски еду, что почти забыли об обеде и о распорядении матери не лезть к магева с вопросами. Паренек не вытерпел первым и спросил громким шепотом, когда Дорина отошла к печи за медовыми пирогами:

— Госпожа магева, а что это оно у вас так — само? А?

Пожалев умирающих от любопытства, слепых к магическим сущностям ребятишек, я пояснила:

— Нет. Само по себе ничего в мире никогда не происходит. Все, парень, имеет и причину и следствие. Еда не исчезает бесследно, она умещается в животе моего волшебного

приятеля. А вот как в него все это влезает, — я развела руками, — не знаю!

Совершенно очарованные подростки захихикали, а девушка спросила:

— И много ваш спутник съесть может?

— Не проверяла, — улыбнулась детям в ответ и подмигнула. — Такого количества еды у меня под рукой пока не находилось.

— Ну что ты смеешься, о, Оса?! — оторвавшись от тушеной рыбки, укорил меня оскорбленный Фаль, обсасывая косточку. — Когда же стоит есть, как не тогда, когда еда вкусна и ее предлагают от всего сердца?

— Уел, — тихо скаламбурила я, потянув носом аромат ягодного пирога. Сильф тоже перестал вещать о своем скромном по меркам народа духов аппетите и сделал стойку на десерт.

Впрочем, и мой нос произвольно задвигался. Не часто доводится есть сдобу сразу из печи, а та халтурка, которая в супермаркетах творится из скороспелого теста — не в счет, вот Фаль ее небось и есть не стал бы, а если бы сожрал от любопытства, в мире стало бы одним сильфом меньше.

Пироги не только пахли одуряюще, они — пышные да сдобные — еще и таяли во рту. Чистая амброзия! Благо мой желудок всегда спокойно относился к соседству рыбы с напитками животного происхождения, поэтому запивала я сладкое парным молоком. Вкус, знакомый по детству в деревне!

Домашние Дорины, пусть и избалованные стряпней хозяйки, тоже лопали с аппетитом, однако успевали еще и вопросы задавать. Переважив парочку моих ответов насчет незримого помощника, Полунка спросила, поерзав на скамье:

— А какой он, ваш спутник?

Я подавила проказливое желание пошутить, брякнув: «Большой и толстый, потому как в еде меры не знает!» — такого предательства самолюбивый мотылек точно мне не простил бы, и важно изрекла:

— Он сияющий, изящный, очень красивый.

— Полуника, нам нельзя такие вопросы задавать! — строго промолвила Дорина и попросила меня, почти загнав дочь, а заодно и шустрого сына, под стол суровым взглядом: — Вы

уж простите ее, магева Оса, несмышленную, совсем ума лишилась, о волшебстве расспрашивать стала!

Я только кивнула, принимая извинения, сама же слушала Фаля, гордо напыжившегося после комплимента. Мотылек воспарил к моему лицу и гордо затарахтел, трепеща радужными крылышками:

— Кто красивый, изящный и сияющий? Я? Да, я такой! Я самый красивый, изящный и сияющий из всех сильфов! Тебе, магева Оса, очень повезло!

Видно было, что Фалю безумно приятно слышать о себе такие слова. Прежде чем вернуться к пирогу с вишней, он даже потерся крылышками о мою щеку.

Все хорошее, а тем более вкусное, рано или поздно заканчивается. Эту аксиому я усвоила с детства, а потому не слишком огорчилась, когда не без усердной помощи сильфа ягодные пироги кончились скорее рано, чем поздно, и обед подошел к концу. Дорина осталась убирать со стола вместе с Оле-сем, а Торин и Полунка, именуемая Полуникой лишь в минуты материнского недовольства, провели меня в комнату девчушки. Из горницы дверь вела в небольшой коридорчик с тремя дверями. В просторном доме Торина нашлось место и для родительской комнаты, и для отдельных комнат паренька и девушек. На широкую ногу жили здешние селяне.

Я не стала корчить из себя всемогущую избалованную стерву и вежливо убедила гостеприимных хозяев, что прекрасно умещусь в одной комнате с Полункой, ведь мы обе, скажем прямо, не такие уж и толстые. Может, моему имиджу всемогущей чародейки это и повредило, зато я чувствовала, что поступаю правильно. Мне всегда было наплевать на то, что подумает кто-то, самым главным я считала собственное удобство, не комфорт (хотя он тоже приветствуется, я ведь не аскетка), а именно внутреннее удобство, которое совсем не всегда совпадает с внешним. Вот такая я бракованная, но и пусть, зато так жить куда веселее, чем поступать по правилам, писаным и неписаным, в полном соответствии с ожиданиями публики.

Торин смущенно крикнул, но спорить со мной не стал. Зато Полунка едва не лопнула от восторга: шутка ли — ей доведется ночевать вместе с магевой! Оставив хозяина за порогом, мы с девчушкой вошли в комнату. Весьма миленькую,

между прочим. Две кровати, сработанные, как похвасталась моя соседка, отцом, пара добротных ларей с одеждой, украшенных нехитрой резьбой, лавка у окошка составляли основную мебельровку помещения. Имелось даже нечто вроде туалетного столика со всякой всячиной типа гребешков да простеньких бус и — о чудо! — натертым до блеска медным диском, в котором, если вглядываться старательно, можно было различить смутные и весьма отличные от оригинала очертания собственной физиономии.

Я бросила куртку на ларь, прежде принадлежавший сестре Полунки, и попробовала рукой кровать — а ничего, матрац вполне мягкий. Конечно, не перина, скорее всего конский волос, а вот подушка перьевая. Деревом и травами здесь тоже пахнет, спать на новом месте, если после перемещения из мира в мир мои привычки кардинально не изменились, буду как убитая. Но это позже, а пока белый день на дворе, следует по селу прогуляться, на местный люд поглазеть, а он пусть на меня любит, не жалко. Джинсы последнего фасончика — неширокий клеш, пояс аккурат на талии — натуральная кожа с крупной пряжкой, серая футболка с волчьей мордой, светящейся в темноте, когда еще здешние такую красоту узреть смогут?

Я уже собиралась отчалить, когда Полунка, набравшись храбрости, спросила:

— Почтенная магева, а вы приворожить парня можете?

— Пожалуй, — прикинув имеющиеся в моем распоряжении обретенные силы и набор рун, кивнула я, — только зачем? Магией любви добиваться унижительно, надо на свои силы рассчитывать! Тем паче таким красавицам, как мы с тобой!

Оставив девушку размышлять над моим великим изречением и отказавшись от напрашивающегося в провожатые Олеся, я отправилась на прогулку, людей посмотреть и себя показать. Фаль поехал со мной, точнее, на мне.

Я покосилась на плечо и в очередной раз задумалась над загадочным сильфовым метаболизмом. Мотылек сожрал побольше моего, что при его росте и комплекции было бы совершенно невозможно, если только.... Стало быть, у него процесс обмена веществ устроен волшебным образом. Вся еда мгновенно, минуя традиционную стадию расщепления

на белки, жиры и углеводы, преобразуется в иной вид энергии, занимающий куда меньше места, чем поглощенные продукты. Надеюсь, физических отходов этот процесс тоже не предусматривает, а то обгадит мне Фаль футболку, не долетев до ближайшего сортира, — вот сраму почтенной магеве будет. Представив такой поворот дела, я не удержалась и захихикала. Сильф встрепенулся, но объяснять ему причину веселья я не стала.

Послеобеденный променад по селу Большие Кочки мы с Фалем начали с улицы, на которой стоял дом Торина, она же по совместительству являлась чем-то вроде здешнего Бродвея, во всяком случае, отходившие от «центрального проспекта» улочки поменьше были уже и менее многолюдны. Но в целом, как удалось выяснить минут за пятнадцать прогулки, дома в селе выглядели вполне приличными, заборы ровными, видневшиеся из-за них палисадники и огороды ухоженными, даже живность здешняя казалась отъезжей и безмятежной. Гулять было приятно, народ хоть и пялился на меня, однако с глупыми вопросами не приставал и общества своего приезжей магеве не навязывал. Однако вся эта сугубо мирная обстановка вполне обыденной деревенской жизни: бабы, идущие по воду, подправляющие забор мужики, судачащие кумушки у околицы, играющие босоногие ребятишки — казалась подозрительно сытой и довольной.

Прямо-таки идеальное село для демонстрации туристам, в отличие от убожества наших деревушек, где мне бывать и жить доводилось, а вот любоваться чем-то, кроме живописных окрестностей, — нет. Кстати, до этих самых окрестностей сначала следовало добраться по деревенским улицам через вековые, глубокие, как болота, лужи жидкой грязищи, почему-то не пересыхающие даже в самую жаркую пору, и через бомбы навоза, щедро оброненные козами да коровами. Типичным же деревенским нарядом сельчан были бесформенные кофты с замусоленными юбками у баб, безвкусно-яркие платья у девиц и вытертые треники, провисшие на коленях, у мужиков. Тут народ, опять-таки, наряжался с куда большим вкусом, в одежды пусть и менее ярких цветов, но гораздо более опрятные.

Наконец в моей душе назрел закономерный вопрос каса-

тельно вопиющего несоответствия «отсталой» деревни и наших бывших передовых колхозов.

— Какие все тут спокойные да довольные, неужто так привольно живется, давно ни податей, ни налогов не дерут, на барщину не гоняют? — вслух задумалась я, припоминая отрывочные сведения о бессовестной эксплуатации трудящихся в дремучую эпоху Средневековья.

— А кому драть-то? — лениво болтая ногами, отозвался Фаль, интуитивно уяснив общую суть моего высказывания. — Село, почитай, у самой границы Лиомастрии, эльфийского княжества, или в нем самом, это как поглядеть. Земли до сих пор спорные, от пролитой крови за полтысячелетия не отмоешься. Людей сюда тем и заманивали, что свободу от податей давали на сто лет, только бы селились, а потом обещали лишку не брать. Поначалу переселенцы и нос в лес боялись сунуть, потом осмелели, но далеко по-прежнему не заходят, чтоб со стрелой в глазу на какой-нибудь поляне не остаться навсегда.

— Похвальная осведомленность, приятель, — удивилась я, остановившись у изгороди, густо оплетенной крупными желтыми вьюнками. — Откуда бы у лесного создания столь глубокие знания политической ситуации в ее историческом аспекте?

— Я летаю везде, слышал, что люди болтают, нет, не местные, а те, что в трактире останавливаются, — раскрыл карты сильф, — да и видел, как оно было...

— Сколько ж тебе лет, дружок? — как бы между делом любопытствовала я, нюхая золотистые шарики соцветий.

— Еще молод, — почему-то смутился Фаль, — если по-вашему счету мерить, едва за шестую сотню лет перевалило.

— Совсем мальчик, — пошутила я, мотылек же принял мои слова за чистую монету и нехотя согласился, недовольно подмахнув крыльями:

— Ну, да...

— Не переживай, — вспомнив собственные детсадовские обиды, указательным пальцем очень аккуратно коснулась кончика тонкого и удивительно теплого крылышка навязавшегося мне в напарники сильфа, — этот недостаток единственный, про который можно сказать наверняка: с возрастом пройдет.

— И верно. — Фаль приободрился и совершил в зарослях цветов несколько настолько сумасшедших пируэтов, что наши асы-летчики непременно заскрежетали бы зубами от черной зависти.

Насладившись медовым запахом соцветий, чем-то смутно похожих внешне на золотой шар, я продолжила свою неспешную прогулку. На душе было легко и спокойно, удивительно легко для той необычной ситуации, в которой меня угораздило очутиться. А может быть, именно потому я и не парилась слишком усердно. Когда попадаешь в какую-то знакомую хотя бы теоретически ситуацию, мозги и нервы тут же начинают наперегонки накручивать друг друга, стремясь довести владельца до нервного срыва, и предлагают сценарии дальнейшего развития событий один хуже другого. Это я уже не по детсадовским, а по школьным годам помню прекрасно, из-за каждого урока, бывало, переживала, пока наконец не научилась давать достойный отпор собственным страхам одной простенькой фразочкой: «А, ну и пусть! Это еще не катастрофа!» А перемещение из мира в мир совершенно выбило почву из-под ног даже у тех ужасов подсознания, какие еще ютились в моей черепушке. Знакомых страхов типа нерешенной задачки или измывающейся над невинным ребенком училки в голове не было, а стихийных бедствий, несчастных случаев, маньяков и тому подобных форс-мажорных обстоятельств я сроду не боялась, скорее наоборот, было жутко интересно: а какое оно все это? Да еще и ощущение абсолютной правильности бытия — пардон за возвышенное выражение — как нахлынуло на меня во время «свинских» разборок с разругавшимися селянками, так и не думало исчезать.

Увлечшись идеей получить первый летний натуральный загар вместо суррогатного из солярия и попутно, слегка (нечего сильно голову грузить) проанализировав свое настроенное, я не сразу услышала довольно визгливый, нарастающий с каждой секундой заунывный крик-причитание. То ли были баньши (так, по-моему, где-то в Ирландии призраков, предсказывающих смерть, прозывают), то ли вполне реальная кладбищенская плакальщица, отрабатывающая свои гроши на деревне.

Прямо на меня из-за поворота надвигалась бьющаяся в

истерике крупногабаритная бабенка отнюдь не в траурном одеянии: широченной юбке, расшитой алыми маками по подолу, и ярко-красном блузоне, обтягивающем прямо-таки богатырские прелести. «Хорошо, что я не бык! — мелькнула вполне отчетливая мысль. — С такой тореро драться — упаришься».

Баба между тем осознала, что ее заметили, и завывала пуще прежнего, привлекая к себе внимание всех сельчан, любопытствующих насчет моих магевских делишек:

— Магева, благодетельница, не дай пропасть. Сгинуть зореньке моей распрекрасной, красавице ненаглядной! Прогони ее хворь злополучную! У-у-у!..

Кажется, у женщины в семье неприятности, а я ведь не доктор, никакого медицинского образования и в помине нет, всего-то знаний — какую таблетку когда в рот сунуть следует. Да еще неизвестно, чем тут люди болеют. Одна надежда на руны, а отказаться от «вызова на дом» нельзя, какая же я после этого магева буду, если тетку пошлю на три веселых буквы при всем честном народе.

— Пойдем, поглядим на болящую, — решительно объявила клиентке свое решение. — А пока объясни толком, кто и чем болен, как давно, приметы какие особые у болезни?

Крестьянка моментально уняла истерику и уже почти деловито заговорила, шустро устремившись в сторону соседней улочки, к своему дому, пока магеvu не отбил кто-нибудь из соседей, с жадным и опасливым интересом поглядывающих из-за заборов.

— Милана моя занедужила, уж почитай три луны дневного молока нет! Мы ее и похлебой теплой поили, и Катрику-травницу звали, и на луга самые сочные отдельно от стада деревенского выводили, а все без толку...

— Стоп! — Я потрясла головой и воздела руку. — Так ты о корове говоришь?

— О ней, родимой, — уже завлекая меня через калитку во двор перед весьма опрятным просторным домом с симпатичными белыми наличниками, поддакнула женщина. Шуганув бродящих по двору и лезущих под самые ноги пестрых кур и гусей, бросила недоуменный взгляд на непонятливую волшебницу. — О ком же еще?!

«Так, приехали, — растерянно подумала я, — если челове-

ческий доктор из меня хреновый, ветеринар и вовсе никакой».

Почувяв мои сомнения, Фаль, молча слушавший причитания клиентки, подлетел к самому ушку и зазвенел:

— Оса, соглашайся! Ты эту корову вылечишь!

«Мне бы твою уверенность в собственных силах! Ну да ладно, не попробовав, от ворот поворачивать стыдно. А вдруг и правда получится животину подлечить? Руны-то, они средство универсальное, если на магическое создание действуют, то и на корову смогут!» — попыталась убедить саму себя, пока хозяйка Миланы конвоировала меня в хлев. У охапки свежескошенной травы в единственном занятом стойле среди полудюжины свободных стояла больная и, кося на нас большими печальными глазами с длинными ресницами, меланхолично жевала жвачку. В такт движениям челюстей задумчиво покачивался хвост, отгонявший досужих мух. Пятнистая рыже-черная корова на вид была совершенно здорова, но как провести обследование и выявить причину падения надоев, я не могла ума приложить. Что же, коль позориться, то только перед Фалем и самой собой. Вежливо, но твердо я попросила клиентку покинуть хлев, временно ставший смотровым кабинетом. Бросив на Милану ласковый взгляд, крестьянка пробормотала животине что-то утешительное, почесала лоб между рогов и выплыла:

— Если что понадобится, я туточки, только крикните, почтенная магева!

— Ну? — едва за бабой закрылась дверь, обратилась я к Фалю. — Будь добр, объясни, с чего ты так во мне уверен, приятель?

— Милана здорова, — чуть смущенно, впрочем, не без веселья, пояснил сильф, вспархивая на правый коровий рог, — а молоко у нее вкуснее, чем у любой коровы в деревне: жирное, сладкое, ароматное! — Фаль даже облизнулся и прижмурил глаза. — Вот я и лакомился! Как ни следили за коровой, все равно свою долю получал. Теперь же с тобой ухажу, поэтому все молоко хозяева сами доить будут.

— Понятно, — улыбнулась я проходе, подумав, поспешила палец, нарисовала на лбу смирной Миланы руну *феху*, ответственную за увеличение стад и достаток. Удивительно, но знак, прорисованный мною на рыжей шерсти, на

секунду просиял оранжево-золотым и как бы втянулся в животное.

Фаль, почуяв магию, вихрем слетел с рога, сделал пируэт и, приземлившись мне на плечо, заискивающе уточнил:

— А на что ты колдовала, о, Оса?

— Раз корова здорова, хозяйка сейчас благодарить будет, а не люблю я, когда ни за что хвалят, вот и пометила Милану, чтобы и дальше с ней все ладно было: здоровье, удои, хороший приплод, — пожала плечами и вышла из хлева. Баба так и приплясывала у самой двери, ожидая вестей.

— Не тревожься, женщина, — объявила я с порога, — здорова твоя корова!

— Родимая, спасительница! — обрадованно запричитала баба, не зная, чего ей больше хочется: то ли кинуться мне в ноги, то ли обнять дорогую корову, но любовь к собственности победила. Обхватив рыжуху за шею, хозяйка счастливо зашмыгала носом, корова покосилась на нее карим глазом, вздохнула и продолжила жевать.

Ухмыльнувшись, я вышла из калитки, собираясь продолжить прогулку, ан нет, не успела отойти и нескольких шагов от подворья, как сзади послышалось знакомое завывание, от которого ломило зубы:

— Магева!..

«Ну что у нее еще, неужто у любимой козы запор или петушок лапку подвернул?» — пробурчала больше для порядка и обернулась к раскрасневшейся под цвет своего блузона крестьянке.

— Благодарствую, магева, благодарствую! — запыхавшаяся баба отвесила мне низкий поклон и, пробормотав скороговоркой: — Не побрезгуй, матушка, прими! — всучила три потертых квадратика какого-то металла.

«Матушка?» — Я, оскорбленно нахмурившись, посмотрела на местный вариант денег — свою первую магевскую зарплату, — решая, не стоит ли вернуть эти монетки тетке и послать ее, эдакую бабушку, подальше, но Фаль, видно, почуяв мои сомнения, пропел на ухо:

— Бери, Оса, нельзя отказываться, если магева отплату предложенную не возьмет, человеку счастья не будет.

— О как круто! — мстительно хмыкнула я и, сделав вид,

что размышляю, помялась с минуту, но затем все-таки сунула монетки в карман джинсов.

Тетка облегченно выдохнула и расплылась в улыбке. Значит, все сделано правильно, Фаль не обманул.

Улыбнувшись крестьянке в ответ и слегка кивнув, я продолжила прогулку, на ходу расспрашивая сальфа:

— Значит, человек обязан магу заплатить за услугу? И каковы тарифы, то есть люди всегда знают, сколько они должны заплатить магу или волшебник сам цену называет?

— Мага в вольном странствии человеческая благодарность за искусство волшебное кормит, — прошептал Фаль. — Сколько может человек, столько и заплатит магу или маге, но если ей что нужно, то и объявить об этом не грех.

— Стало быть, оплата — вопрос личной щедрости клиента, уравновешенный опасением кары за жмотство, — довольно резюмировала я, пнув мелкий камешек в сторону густой травы у чьего-то забора. — Прекрасно! Значит, голодная смерть мне тут не грозит.

Фаль решил, что я шучу, и залился довольным смехом. По-видимому, странствующие маги в этой местности были большой редкостью и ценились весьма высоко.

— Почтенная магева! — Меня окликнула сухошавая высокая женщина средних лет в неброском зеленом платье.

Над повязанным на талии серым фартуком явно поглумился какой-то свихнувшийся дизайнер, приделав к нему множество разномастных карманов. Однако спокойное достоинство и опыт, отразившиеся в светлых не то голубых, не то зеленых глазах шедшей ко мне женщины говорили о ее относительной (кто знает, как у них тут в Кочках с психическим здоровьем обстоит в общем и целом) адекватности. У чокнутых таких спокойно-вдумчивых глаз не бывает, сумасшедшие обыкновенно либо агрессивны и буйны, либо чисты и безмятежны, как одуванчики, и так же лишены разумных с нашей точки зрения мыслей.

— Да? — Я остановилась и повернулась к женщине. Может, еще работу подкинут, так и на сапоги собираю.

— Я Катрика, травница, — представилась та.

— А! Я о тебе уже слышала, — приветливо ответила, сообразив, откуда идет этот приятный терпкий запах сушеных

трав. Вероятно, знахарка носила часть своих сборов в качестве аптечки первой помощи прямо в кармашках фартука.

— Догадываюсь, чего обо мне Людвина наболтала, — одним уголком рта сдержанно улыбнулась Катрика, но глаза ее похолодели и настожились, а руки дернулись к карманам, как у ковбоя к кобуре кольца.

— Сколько ни паши, на всех не угодишь, — беспечно махнула я рукой. — Да и как ты могла ее корову выходить, если животное и не болела вовсе, так, небольшая магическая заморочка. А что ты меня звала: из чистого интереса или дело какое есть?

— Помощи просить хотела, — окинув меня острым взглядом и признав годной для продолжения диалога, ответила травница. — У Иваллы, вдовицы, мальчонка занемог.

«Ура, растем, мне уже предлагают попрактиковаться на людях!» — мысленно «обрадовалась» я и спросила:

— Что с ним?

— С полгода назад со Жданова подворья псина с цепи сорвалась, злобный барбос, здоровенный, что теленок, даже на своих с рыком кидался, но терпели, держали. Уж больно сторож хороший. Валь ему на дороге попался. Тяпнуть пес его даже не успел, только повалил, лапами прижал. Люди вовремя отбили. Испугался мальчонка до одури, даже не плакал, бледный как мел был и дрожал. С тех пор молчит. Все понимает, а ни словечка не скажет, — хмурясь, рассказала Катрика, нервно шурша чем-то в своих кармашках. — Я ему уже и травки успокаивающие заваривала, и растирала, и в ключах ледяных купала. Без толку. Язык отнялся. А Ивалла, мать его, страдает, он ведь единственное, что от Петрина осталось, тот сгорел в одночасье шесть лет назад, зимой, за мной и послать не успели. Теперь же и Валь калечным стал. Поначалу Ивалла металась, помощи ждала, за любое средство хваталась, потом словно перегорела. — Брови Катрики сошлись на переносице, в голосе послышалась настоящая злость — не на кого-то другого, а на судьбу и саму себя: бессильна оказалась помочь.

— Не знаю, смогу ли вылечить мальчишку, врачевание не по моей части. Но сразу не откажу, поглядеть надо, — согласилась я и пошла за Катрикой до скромного, когда-то весьма

ладного и все еще крепкого домишки, примостившегося недалеко от местного Бродвея, в конце глухой улочки.

Во дворе кормила кур симпатичная, состарившаяся до времени женщина с потухшим взглядом, обряженная в чистое, многажды стиранное, потерявшее первоначальный цвет платье. Она действовала как автомат. Брала горсть зерна и бросала вправо, влево, прямо. Птицы квохтали у нее под ногами, спеша ухватить самые вкусные зернышки. На лавочке у дома сидел худенький, вытянувшийся как тростник мальчонка лет девяти и гладил присоседившуюся кошку черепаховой окраски. Зверюга лениво мурлыкала и время от времени вытягивала лапы.

— Ивалла, я магеву привела, — позвала травница хозяйку из-за забора и вошла, подцепив крючок на калитке и не дожидаясь особого приглашения.

Тусклый взгляд скользнул по нашим лицам почти безразлично, зато ярко сверкнули глазенки наблюдающего за происходящим мальчонки, светловолосого, черноглазого, чем-то напоминающего подсолнушек — золотой ободок и черные зернышки сердцевины. Пацан во все глаза вылупился на мой модный прикид и рыжие волосы, — ни у кого из местных я такого колера не видела, — аж рот от усердия открыл и темные, как угольком нарисованные брови нахмурил.

— Ивалла, это магева Оса! — снова попыталась представить меня травница. — Она Валя посмотреть пришла.

Ивалла вяло качнула головой и все-таки изволила ответить:

— Пусть посмотрит, коли не шутишь, — поставив миску с кормом на землю, чем вызвала бурный восторг курей, женщина ушла в дом и тихо затворила за собой дверь.

Что ж, меньше народу — больше кислорода, а на прием к врачу пациенту и вовсе лучше без родственников заходить, чтобы уши от «компетентных» советов не вяли.

— Эй, пацан, иди сюда, — весело поманила я мальчишку указательным пальцем.

Бережно опустив на скамью недовольную кошку, паренек проворно вскочил и подбежал к нам.

— Небось надоело молчать, как рыбеха? — подмигнула мальчишке.

Тот серьезно кивнул, переступил с ноги на ногу, поводя

босыми пальцами по мягкой дворовой пыли. Я почти поза-видовала, сразу захотелось скинуть тапки, стянуть носки и тоже пройтись босиком.

— Тогда давай тебя лечить! — бодро обнародовала свои намерения, убедившись, что с головой у парнишки все в порядке, речь понимает, а значит, не треснулся настолько, чтобы мозгов лишиться. Да и шрамов никаких на горле нет, стало быть, все заморочки с немотой чисто психические, а лечение таковых — дело не только магии, но и личного доверия пациента к врачу.

Читала я или слышала когда-то, что клин клином вышибается, а страх страхом, но пугать паренька второй раз мне, как начинающему логопеду, совершенно не хотелось. Оставив этот вариант в качестве запасного, мысленно выбрала подходящий набор рун из своего арсенала и вытащила из сумки на плече карандаш — обычный серый грифель в ярком сине-зеленом футляре из дерева. Взяла мальчишку за острый, хоть обрежься, подбородок, покрутила его симпатичную мордашку вправо-влево, потрепала по вихрам и огласила свое решение:

— Я сейчас колдовские знаки на твоём лбу напишу, они запоры с языка снимут.

Глаза Валя, и без того такие же большие, как у сильфа, при виде моего сияющего карандаша стали вполлица. Фаль-болтушка и тот перестал трещать по пустякам, затаил дыхание. Ровно писать я никогда не умела, поэтому решила просчитать, какого размера руны мне следует нарисовать на лбу мальчишки, чтобы все влезло, а *ансуз*, та руна, которая отвечает за воздух, дыхание, снятие оков да за речь, уместилась аккуратно в центре. Перевернув карандаш обратным концом, прикусила губу, сосредоточилась. Черчение никогда моей сильной стороной не было, то ли аккуратности не хватало, то ли каждый раз училку-истеричку вспоминала, и желание что-то изображать пропадало напрочь. Но тут хочешь не хочешь, а хотя бы попробовать поколдовать нужно было. Пальцы начало чуть-чуть покалывать от магического действия готовой воплотиться в рисунке руны.

— Уже все? — хрипловатый неуверенный голосок прозвучал так неожиданно, что я, не успев начертать ни единого знака, выронила карандаш.